

Общій взглядъ на положеніе англиканства въ ряду другихъ западныхъ вѣроисповѣданій и на историческія условія его возникновенія.¹⁾

Сущность англиканства, какъ религіозной системы, по характерному опредѣленію одного изъ его послѣдователей ритуалистическаго направленія, составляютъ „протестантскіе чины, пристегнутые къ католической литургіи“²⁾. Само собою понятно, что опредѣленіе это слѣдуетъ понимать съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, ибо трудно представить себѣ религіозное общество, которое, исповѣдая извѣстную систему вѣрованій, въ то же время выражало бы свои религіозныя чувства въ богослужебныхъ формахъ, выросшихъ на почвѣ убѣжденій, совершенно противоположныхъ. Ясно, что ни члены ея нельзя назвать чисто протестантскими, ни богослуженіе вполне чисто католическимъ. Приведенное опредѣленіе имѣетъ силу въ томъ отношеніи, что оно указываетъ первоначальный источникъ происхожденія уставовъ англиканской церкви, точку отправленія въ развитіи каждаго изъ нихъ, равно какъ и ихъ господствующее настроеніе и характеръ. Созданные на почвѣ и по образцу протестантскихъ символовъ, представляя собою первоначально большею частію простое заимствованіе изъ нихъ и притомъ заимствованіе не по духу только, но и по буквѣ, англикан-

---

¹⁾ Рѣчь произнесенная предъ зацитой магистерской диссертациі.

²⁾ Catholic World, U. V. p. 64, Ritualism. См. Римскій католицизмъ въ Америкѣ, А. Лопухина, 1881, стр. 30.

скіе члены удержали преимущественно протестантскій характеръ, при всѣхъ усиліяхъ ихъ составителей сгладить въ нихъ отличительно протестантскія черты и приблизить ихъ къ католической догматикѣ. Совершенно обратное явленіе представляетъ собою англиканское богослуженіе. Вседѣло заимствованное изъ римскаго, оно въ теченіе вѣковъ самостоятельнаго существованія англиканской церкви подвергалось непрерывному вліянію протестантскихъ началъ, хотя этотъ процессъ *протестантизації* католическаго богослуженія и не могъ завершиться вполне, ибо легче совѣсть отбросить форму, нежели обезличить ее до того, чтобы она сдѣлалась способною выражать идею, прямо противоположную той, которая произвела ее, какъ свое воплощеніе. Такимъ образомъ процессъ образованія богослужебныхъ формъ англиканской церкви былъ діаметрально противоположенъ процессу образованія ея символа: первый представляетъ собою движеніе отъ католичества къ протестантству, второй—наоборотъ. Но задача этого двойственнаго процесса, въ достаточной мѣрѣ, надѣемся, раскрытаго въ нашемъ изслѣдованіи, была одна: избѣжать крайностей католичества и протестантства, создать среднюю, умѣренную систему, которая могла бы объединить собою протестантовъ и католиковъ,—задача, какъ показываетъ послѣдующая исторія англиканской церкви далеко не осуществленная, да и неосуществимая, въ виду противоположности элементовъ, подлежащихъ объединенію, по крайней мѣрѣ, на той почвѣ, на которой предполагалось ее осуществить. Протестантскіе члены и католическое богослуженіе, постепенно отступая отъ началъ, лежащихъ въ ихъ основѣ, въ своемъ историческомъ развитіи, правда, все болѣе и болѣе приближались другъ къ другу, пока не получилось вѣкотораго равновѣсія, нѣкоторой видимой гармоніи между ними, но гармоніи искусственной, внѣшней, основанной не на единствѣ началъ, по отношенію къ которымъ англиканство было бы стройнымъ логическимъ развитіемъ, а на борьбѣ

двухъ противоположныхъ и смертельно враждующихъ между собою системъ, путемъ длиннаго процесса чисто ви́шняго механическаго обтачиванія, неизбежнаго при ихъ взаимныхъ столкновеніяхъ, путемъ длиннаго ряда взаимныхъ уступокъ и соглашеній, съ неизбежно сопровождающими ихъ логическими противорѣчіями, приведенныхъ въ нѣкоторое видимое равновѣсіе между собою. Болѣе полнаго примиренія этихъ двухъ враждебныхъ системъ и не могло быть достигнуто на Западѣ, ибо примиреніе противоположностей возможно только путемъ возведенія ихъ къ высшему единству, а не на почвѣ самихъ враждебныхъ началъ. Чтобы яснѣе представить себѣ положеніе англиканства между католичествомъ и протестантствомъ, припомнимъ прекрасное по своей выразительности опредѣленіе отношенія двухъ послѣднихъ исповѣданій между собою при помощи математической формулы, данное въ одномъ изъ богословскихъ сочиненій А. С. Хомякова¹⁾. Желая выяснитъ сравнительную легкость перехода изъ одного западнаго исповѣданія въ другое и трудность обращенія въ православіе на основаніи общности (единства) религіозной жизни всего запада безъ различія исповѣданій, онъ говоритъ, что „у всего запада одна данная: А: вся разница въ томъ, что у римлянъ ей предшествуетъ положительный знакъ +, а у протестантовъ отрицательный —; но А остается неизмѣннымъ“. Пользуясь этою формулою, можно опредѣлитъ англиканство, какъ ту же неизмѣнную величину А, только стремящуюся удержать за собою одновременно оба знака (+ А). И если бы католичество было абсолютно-положительною величиною, а протестантство—ея чистымъ отрицаніемъ, то англиканство не имѣло бы логически законной почвы для своего существованія, такъ какъ между чистымъ положеніемъ и отрицаніемъ нѣтъ и не можетъ быть середины. Но въ дѣйствительности католичество не

¹⁾ Сочиненія А. С. Хомякова, т. II. Письма къ Мальмеру, 1886, стр. 373.

есть абсолютно-положительная величина, такъ какъ само есть уклоненіе отъ древнецерковной истины и притомъ уклоненіе не въ частныхъ только и несущественныхъ пунктахъ, но и въ самыхъ основныхъ началахъ церковной жизни, какъ извратившее самую идею церкви, и слѣдовательно оно само уже отчасти есть отрицаніе. Отсюда и протестантство, какъ отрицаніе католичества, величины только относительно положительной, уже не есть абсолютно-отрицательная величина, но заключаетъ въ себѣ и нѣчто положительное (минусъ на минусъ даетъ плюсъ): чистое отрицаніе никого и не удовлетворило бы, за исключеніемъ развѣ явнаго невѣрія. Отсюда между католичествомъ и протестантствомъ, какъ двумя неполными отрицаніями, есть средняя положительная область или почва, на которой искони пребывало православіе и овладѣть которой стремится англиканство. Но усилія его остаются тщетными, такъ какъ оно избрало ложный путь для достиженія указанной цѣли, путь рационализма. вмѣсто того, чтобы приобщиться къ живой истинѣ, неизмѣнно содержимой православною церковью съ самаго ея основанія, англиканство предприняло добыть эту истину путемъ разсудочнымъ, путемъ критической разработки началъ католичества и протестантства. II конечно этотъ путь не привелъ къ желанной цѣли, ибо разумъ не могъ дать надлежащаго критерія для отдѣленія древнецерковной истины отъ омрачившихъ ее на западѣ схоластическихъ прираженій. Мало того, если даже допустить, что англійскіе реформаторы сѣумѣли бы отдѣлить крохи истины, оставшіеся въ католичествѣ и протестантствѣ, отъ облежавшей ихъ средневѣковой лжи новаторскихъ измышленій реформаторовъ континента, то и въ такомъ случаѣ они ничего не достигли бы, ибо они не въ состояніи были бы эти найденные ими чисто разсудочнымъ путемъ остатки истины соединить въ одно цѣлое, живое единство—по недостаточности элементовъ.

необходимыхъ для такого единства. Въ самомъ дѣлѣ, католичество и протестантство при всей ихъ противоположности имѣютъ то общее между собою, что въ основѣ обоихъ лежитъ отрицаніе самой идеи церкви. Самовольнымъ измѣненіемъ вселенскаго символа Римъ фактически призналъ началомъ своей дальнѣйшей жизни раціонализмъ мѣстнаго, областного сужденія. Протестанты, проводя послѣдовательно унаслѣдованное ими отъ католичества начало церковной жизни, присвоили право независимаго сужденія въ дѣлахъ вѣры каждой отдѣльной личности. Такъ идея единой вселенской церкви была безвозвратно утеряна западомъ и можетъ быть возвращена ему только чрезъ приобщеніе къ живому единству востока. Безъ этой же коренной объединяющей идеи все другія, частныя истины христіанства всегда будутъ неполны, разъединены между собою и лишены своего истиннаго смысла и значенія. Въ католичествѣ и протестантствѣ эти истины еще удерживаютъ нѣкоторое значеніе, какъ части цѣлыхъ системъ, объединенныхъ произвольно принятыми началами. Англиканство же самымъ актомъ своего отдѣленія отъ Рима отвергшее начало мѣстнаго преданія, но въ то же время равно далекое отъ желанія слѣдовать началу личнаго сужденія, осталось совершенно безъ всякой почвы подъ собою. По выраженію Хомякова, „это узкая земляная насыпь сомнительной устойчивости, о которую съ двухъ сторонъ ударяютъ волны романизма и протестантства и которая съ обѣихъ сторонъ быстро осыпается въ неизмѣримыя глубины“¹⁾. Элементы, случайно заимствованные изъ католичества и насильственно соединенные, съ трудомъ уживаются между собою, обнаруживая естественное тяготѣніе къ тѣмъ противоположнымъ источникамъ, изъ которыхъ они были насильственно вырваны и

---

1) Тамъ же стр. 391.

гдѣ они имѣли свое опредѣленное мѣсто и значеніе, какъ части цѣльныхъ системъ. „Англиканство, по выраженію Хомякова, есть и самое чистое и самое противулогическое изъ всѣхъ западныхъ исповѣданій¹⁾.“ Первое—потому что оно относится одинаково отрицательно къ крайностямъ папизма и протестантства, и въ этомъ отрицаніи его единственная религіозная основа и залогъ будущато единенія съ православіемъ. Второе—потому, что оно не есть послѣдовательное развитіе какого-либо одного начала, но представляетъ собою смѣсь противоположностей, худо развитыхъ и примиренныхъ между собою,—противорѣчіе, лишь снаружи замазанное и прикрытое внѣшнимъ призракомъ каооличности.

Какъ могло возникнуть такое противулогическое явленіе въ исторіи? Логическую возможность англиканства мы, надѣмся, съ достаточною ясностью показали выше, на основаніи общей характеристики католицизма и протестантства, какъ величинъ только относительно противоположныхъ, не исключających возможности средняго положенія между ними, какъ суммы заключающихся въ нихъ положеній. Частичнѣе выясненіе положительной и отрицательной стороны въ католициствѣ и протестантствѣ и возможности ихъ примиренія между собою было бы логическимъ воспроизведеніемъ англиканства. Разнообразіе способовъ и пріемовъ, которыми достигалось это примиреніе въ англиканствѣ, въ достаточной мѣрѣ было указано нами при анализѣ символическихъ книгъ англик. церкви. Въ настоящемъ же случаѣ намъ хотѣлось бы обратить вниманіе просвѣщеннаго собранія на другую сторону вопроса, недостаточно освѣщенную въ нашемъ изслѣдованіи, именно на вопросъ о томъ, какъ *фактически* возможно было возникновеніе такого страннаго, противулоги-

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 222.

ческаго явленія въ религіозной жизни человѣчества, и почему это явленіе возникло именно въ Англіи, а не въ какой-либо другой странѣ запада.

Основанія для рѣшенія этого вопроса лежатъ въ психологіи общей и народной, а также въ особыхъ условіяхъ исторической жизни англійскаго народа.

Самымъ актомъ своего отдѣленія отъ Рима англиканство вмѣстѣ съ континентальнымъ протестантствомъ осудило свое прошлое, которымъ дотолѣ жило вмѣстѣ съ Римомъ, осудило и отвергло преданіе. Но протестуя противъ римскихъ заблужденій, оно не признало и не осудило самаго главнаго изъ этихъ заблужденій, которое было источникомъ для всѣхъ остальныхъ, его самовольнаго отдѣленія отъ вселенской церкви и вмѣсто того, чтобы возсоединиться съ послѣднею, оно стало на общій всему протестантству путь раціонализма. Единственное отличіе его отъ континентальнаго протестантства состоитъ въ томъ, что, отвергнувъ содержаніе римской церковной жизни, оно всѣми силами стремится удержать внѣшнюю форму этой жизни—епископскую іерархію и обряды. Но тогда какъ въ католичествѣ эта форма имѣетъ въ своей основѣ преданіе, наполняющее ее опредѣленнымъ содержаніемъ и сообщающее ей прочность и устойчивость,—англиканство, разсматриваемое, какъ форма религіозной жизни, не имѣетъ для себя твердаго (историческаго) основанія, ибо форма тѣсно связана съ содержаніемъ, а послѣднее, какъ плодъ личнаго сужденія, могло измѣняться до безконечности. Мысль о безпочвенности англиканства, какъ формъ церковной жизни, прекрасно выражена въ одномъ мѣстѣ Исторіи Англіи Фруда: „Служеніе католическаго епископа, говоритъ онъ, неприкосновенно для разрушительныхъ вліяній времени. Династіи могутъ смѣняться, націи могутъ терять свои привиллегіи, твердое зданіе самаго общества можетъ быть разрушено до основанія въ ужасахъ революціи—католическій прелатъ остается на своемъ посту

твердый, непоколебимый; когда онъ умираетъ, другой занимаетъ его мѣсто; и когда возмущенныя воды снова входятъ въ свои русла, его спокойная фигура видна стоящею на прежнемъ мѣстѣ: личность быть можетъ смѣнилась,—вещь осталась та же самая, утвержденная, подобно скалѣ, на вѣчныхъ, неизблемыхъ основаніяхъ міра. Англиканское духовенство, далеко не похожее на своего соперника, было дѣтищемъ колебаній и компромисса, оно получило жизнь отъ трона Елисаветы, а если бы послѣдній рушился, оно рассыпалось бы въ песокъ. Церковь Англіи есть какъ бы вѣтвь, отрѣзанная отъ кагошмическаго ствола; она была насильственно отдѣлена отъ потока, которымъ питалась ея сосудистая система, и жизнь, какъ независимое и тѣлесное существованіе, исчезла въ ней навсегда. Но она была принята и всаждена въ государство. Если не то, чѣмъ была, то она могла, по крайней мѣрѣ, удержать форму того, чѣмъ была,—форму, которая сдѣлала ее уважаемою, безъ власти, которая дѣлала бы ее опасною. Внѣшній обликъ могъ быть сообщенъ ей и именно такой, который уподоблялъ бы ее произрастившему ее древу; и, чтобы поддержать иллюзію, необходимо было позаботиться объ епископахъ, которые могли бы казаться унаслѣдовавшими власть отъ апостоловъ путемъ всѣмъ признаннымъ, какъ преемники послѣднихъ¹⁾. Другой не менѣе извѣстный англ. историкъ выразительно говорить о неустойчивости вѣросознанія англик. церкви: „Апостольское преемство она могла имѣть или не имѣть. Но единства она безъ сомнѣнія не имѣетъ и не имѣла никогда. Всѣмъ извѣстно, что ея символы составлены такимъ образомъ, что допускаютъ къ высочайшимъ ея должностямъ людей, различающихся другъ отъ друга гораздо болѣе, чѣмъ

¹⁾ The Hist. of Engl., by Froude, цитов. въ Catholic orthodoxy and anglocatholicism. By S.S. Overbeck pp. 71, 72.

истинный высокоцерковникъ отличается отъ католика или истинный низкоцерковникъ отъ пресвитеріанина, и что общее направленіе церкви относительно нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ было иногда въ одну сторону, а иногда въ другую. Возьмите, напр., вопросы, разсматривавшіеся между кальвинистами и армініанами. Находимъ ли мы въ англиканской церкви относительно этихъ вопросовъ то единство, которое существенно для истины? Было ли оно въ церкви когда-либо? Не извѣстно ли, что въ концѣ XVI в. правители церкви содержали доктрины столь же кальвинистическія, какъ и тѣ, которыя были когда-либо исповѣдуемы любымъ камероніанцемъ, и не только содержали ихъ, но и преслѣдовали всякаго, кто не содержалъ ихъ? Не извѣстно ли также и то, что въ самое недавнее время правители той же церкви смотрѣли на кальвинизмъ, какъ на дѣйствительное препятствіе къ повышенію, если не къ допущенію въ самыя церковныя должности?.. Какое сильное разногласіе касательно дѣйственности таинствъ господствуетъ между епископами, докторами богословія, пресвитерами англиканской церкви, пюльми, которые всѣ по совѣсти объявили свое согласіе съ ея членами вѣры... И всѣ эти люди служатъ одной церкви, оставаясь честными... Поэтому мы говоримъ, что о нѣкоторыхъ предметахъ... животрепещущей важности церковь или вовсе не высказалась или—что для всѣхъ практическихъ дѣлъ одно и то же—не высказалась изыкомъ, который былъ бы понятенъ хотя бы честнымъ и проникательнымъ богословамъ. Религія англиканской церкви до такой степени не обнаруживаетъ единства въ ученіи, что на дѣлѣ эта религія есть сплетеніе безчисленныхъ системъ... лежащихъ между предѣлами пелагіанства и антиномизма, папизма и пресвитеріанизма“¹⁾.—Само собою понятно, что

¹⁾ Маколей: „Церковь и государство, Гладстона“. Сочиненія, изд. Тиблена, 1861 г., т. III, стр. 286, 288—9 и 298.

неопредѣленность и колебаніе въ церковномъ вѣросознаніи не можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ постоянства во внѣшнемъ строѣ церковной жизни, и потому послѣднее, если оно всеже существуетъ, должно быть изъясняемо изъ какихъ угодно другихъ, но только не изъ догматическихъ основаній.

Какія же это основанія? Замѣтимъ прежде всего, что стремленіе къ удержанію старыхъ католическихъ формъ церковной жизни, будучи въ существѣ своемъ непослѣдовательностью, тѣмъ не менѣе не составляетъ исключительной принадлежности англиканства, а есть черта общая всему протестантству даже въ самыхъ крайнихъ его развѣтвленіяхъ,¹⁾ какъ естественная реакція духа противъ крайней односторонности въ развитіи протестантскихъ началъ, и потому имѣетъ свой корень и источникъ въ общихъ психологическихъ основаніяхъ. Протестантство, какъ дальнѣйшая стадія въ развитіи западнаго раціонализма послѣ католицизма, подчиняется общимъ законамъ развитія природы и духа. Въ самомъ понятіи развитія необходимо мыслится два начала, изъ взаимодѣйствія которыхъ сплается жизнь, какъ послѣдовательная смѣна состояній: консерватизмъ и прогрессъ. Послѣднимъ обусловливается поступательное движеніе впередъ въ процессѣ развитія; первымъ охраняется

---

¹⁾ Молитва за живыхъ, напр., столь же мало гармонируетъ съ началомъ личной оправдывающей вѣры, какъ и молитва за умершихъ.—Что протестантскія начала ни въ одной общинѣ не были доведены до своихъ крайнихъ логическихъ послѣдствій, въ этомъ признавались и сами вожди протестантства. Кальвинъ, напр., пишетъ къ Фарелю, что *reliquias ignorantiae vix ulla est ecclesia, quae prorsus nullas retineat*. Epist. ad Farellum p. 5; см. Quatuor dissertationes, Bingham, p. 687. О недостаточной послѣдовательности лютеранства въ проведеніи общепротестантскихъ началъ, какъ фактъ общеизвѣстный, нѣтъ надобности говорить.

принципъ постоянства въ жизни, единства, послѣдовательности въ развитіи. Изъ различнаго соотношенія этихъ двухъ основныхъ началъ въ развитіи каждой отдѣльной личности, цѣлаго общества или народа и наконецъ всего человѣчества происходитъ все разнообразіе жизненныхъ явленій въ той или другой области жизнедѣятельности человѣческаго духа, а слѣдовательно и религіозной. Взаимодѣйствіе ихъ въ жизни отдѣльной личности сказывается борьбою между мыслию съ одной стороны и волею и сердцемъ съ другой. Едва ли пужно доказывать ту общеизвѣстную психологическую истину, что въ мысляхъ человѣкъ бываетъ всегда прогрессивнѣе, чѣмъ въ дѣятельности, что измѣненія въ теоретическихъ убѣжденіяхъ совершаются гораздо легче и быстрѣе, чѣмъ въ практической области, гдѣ законъ привычки полагаетъ препятствія таковымъ измѣненіямъ. Эта привычка къ извѣстному состоянію жизни иногда сказывается съ такою силою, что не только съ трудомъ поддается напору прогрессирующей мысли, но нерѣдко заставляетъ и самую мысль принять обратный ходъ, понуждаетъ ее отказаться отъ выводовъ, до которыхъ она дошла въ своемъ поступательномъ движеніи,—особенно когда наша мысль случайно становится на ложный путь развитія и приходитъ къ крайнимъ, одностороннимъ выводамъ, не удовлетворяющимъ всѣмъ законнымъ требованіямъ человѣческой природы, какъ это и случилось съ религіозною мыслию запада. Сообразно особенностямъ индивидуальной организаціи отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ составъ извѣстнаго общества или народа, въ однихъ изъ нихъ преобладаетъ прогрессивное, въ другихъ консервативное начало, что обусловливаетъ собою раздѣленіе всего общества или народа на партіи приверженцевъ стараго, уже сложившагося порядка вещей и представителей реформы, новыхъ вѣяній времени, или короче—на консерваторовъ и прогрессистовъ. При этомъ такъ какъ само общество есть собраніе индивиду-

умовъ, внутренно, органически сродныхъ между собою,—будетъ ли это средство результатомъ племенного единства или же постепенной ассимиляціи вслѣдствіе продолжительной общесовмѣстной жизни его членовъ,—то и въ жизни цѣлыхъ обществъ и народовъ замѣчается преобладаніе того или другого элемента развитія, сообщающее общему теченію его жизни то консервативное, то прогрессивное направленіе. Такимъ образомъ противоположность консерватизма и прогресса обнаруживается тройко, соотвѣтственно тремъ главнымъ формамъ жизни человѣка: какъ индивидуума, какъ члена общества или народа и какъ члена всего человѣчества. Въ индивидуальной жизни она сказывается какъ противоположность между разумомъ и волею, теорією и практикою. Этотъ видъ соотношеній указанныхъ основныхъ началъ всякаго развитія достаточно объясняетъ, почему ни въ одномъ протестантскомъ обществѣ начала деформаціи не были доведены до своихъ крайнихъ логическихъ послѣдствій. Въ жизни цѣлаго общества или народа та же противоположность обнаруживается въ раздѣленіи его на партіи приверженцевъ стараго и новаго порядка вещей, борьба между которыми въ свою очередь еще болѣе задерживаетъ торжество прогрессирующей мысли, вынуждая представителей реформы на дальнѣйшія уступки и непоследовательности въ пользу отсталой, консервативной части общества, помимо тѣхъ, которыя вызваны были влеченіями собственнаго ихъ сердца. Здѣсь кроется источникъ того примирительнаго направленія въ реформаціи, представителями котораго были Меланхтонъ, Буцеръ и другіе умѣренные проводители реформы, стремившіеся оставить въ цѣлости возможно большую часть изъ католическаго достоянія, лишь бы оно не заключало въ себѣ прямого противорѣчія началамъ реформы. Наконецъ, въ жизни всего человѣчества, взятаго въ его цѣломъ, указанная противоположность сказывается различіемъ въ характерѣ цѣлыхъ націй, въ ихъ

неодинаковой расположенности къ жизненнымъ переменамъ, вследствие чего одни народы въ данную эпоху отличаются преимущественно прогрессивнымъ, другіе—консервативнымъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи все народы западной Европы распадаются на двѣ большія группы, при чемъ члены каждой группы связаны между собою и единствомъ племенного происхожденія. Народы германскаго племени по своему характеру отличаются критическою независимостью мысли, склонностью къ предпочтенію самобытнаго сужденія стороннему авторитету. Романскія же и кельтическія племена отличаются противоположнымъ складомъ ума, по природѣ своей болѣе консервативнаго, поставляющаго внѣшній авторитетъ преданія выше индивидуальной свободы. Этою разностью въ характерѣ народностей, населяющихъ западную Европу, легко объясняется тотъ фактъ, почему реформація возникла и развилась почти всецѣло на почвѣ германской, тогда какъ народы романскаго и кельтическаго происхожденія въ цѣломъ остались вѣрными католичеству. Что касается англійской націи, то, будучи по своему происхожденію смѣсью германскаго и кельтическаго элементовъ, англійская нація въ своемъ характерѣ представляетъ своеобразное сочетаніе особенностей генія указанныхъ народностей. Разительный примѣръ этой гармоніи элементовъ развитія, характеризующей англо-саксонскую расу, указывается Макколеемъ въ исторіи англійской конституціи. „Настоящая конституція нашего отечества, говоритъ онъ, относится къ конституціи, при которой оно процвѣтало пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, какъ дерево къ ростку, какъ человѣкъ къ ребенку. Измѣненіе было велико. Тѣмъ не менѣе никогда не было момента, въ который главная часть того, что существовало, не была бы древнею. Сложившееся такимъ образомъ государственное устройство должно изобиловать аномаліями. Но за зло, истекающее отъ этихъ аномалій, мы вознаграждены съ избыткомъ. Другіе народы обладаютъ писанными консти-

туціями, болѣе симметрическими. Но никакое другое общество не сумѣло соединить революцію съ преданіемъ, прогрессъ съ постоянствомъ, энергію юности съ величіемъ незапамятной древности¹⁾. Такимъ образомъ прогрессъ въ мысли и консерватизмъ на практикѣ, въ отношеніи внѣшнихъ формъ обществъ,—таковы свойства англійскаго характера. Первая черта, сближающая англійскую націю съ германскою, выразилась въ такихъ крупныхъ историческихъ фактахъ, какъ юлардизмъ, бывший отдаленнымъ предвѣстникомъ реформации, социализмъ, легшій въ основу французской революціи, романализмъ и сангументализмъ въ литературѣ, эмпиризмъ въ философіи и пр. Еще чаще указываютъ на другую особенность въ характерѣ англійскаго народа, на его приверженность къ преданію, къ существующему строю вещей, на его уваженіе къ совершившемуся факту,—особенность, заставлявшую его смотрѣть на свое историческое прошлое, какъ на основаніе своего настоящаго и будущаго. Эта черта, обращающая на себя вниманіе всѣхъ, интересовавшихся жизнью англійскаго народа²⁾, есть главная причина того религіознаго явленія, что Англія, отдѣлившись отъ Рима, не порвала сразу съ преданіями католицизма, какъ это произошло съ Германіею, Швейцаріею и др. протестантскими странами, а напротивъ старалась слить этотъ традиціонный католическій элементъ съ новыми вліянiями протестантизма и въ этомъ стремленіи поставила задачу своей дальнѣйшей религіозной жизни. По выраженію Over-

¹⁾ Маклей въ изд. Тиблена, т. VI. Исторія Англіи до реставраціи, стр. 25—26.

²⁾ „Наши законы и обычаи, говоритъ Маклей, никогда не погибали въ обществѣ и неисправимомъ разрушеніи. У насъ примѣры среднихъ вѣковъ до сихъ поръ остаются въ силѣ и до сихъ поръ цитируются въ важнѣйшихъ случаяхъ самими замѣчательными государственными людьми“. Ibid. стр. 26.

beck'a, англичане имѣють достаточно германской крови въ своихъ жилахъ, чтобы съ любопытствомъ слѣдить за прогрессомъ реформаціи, но недостаточно для того, чтобы совершенно разорвать связь съ прошедшимъ, лишить себя чего-либо существеннаго для церковной жизни¹⁾.

Были и второстепенныя условія, содѣйствовавшія полнѣйшему обнаруженію указанной основной черты англійскаго характера, которыя также нельзя обойти молчаніемъ. Сюда относится прежде всего географическое положеніе Англіи въ отношеніи Рима, ея отдаленность отъ центра католичества, не требовавшая необходимо устраненія всего того, что можно бы напоминать о немъ. Значеніе этого условія (вліянія географическаго положенія страны на степень послѣдовательности въ проведеніи началъ реформы) признавалось и самими континентальными реформаторами какъ въ теоріи²⁾, такъ и на практикѣ. Суровые реформаторы Швейцаріи и Галліи въ Англіи были снисходительнѣе къ остаткамъ католичества, чѣмъ у себя дома, и даже сдерживали пуританскую нетерпимость болѣе ревностныхъ сторонниковъ реформы среди самихъ англичанъ³⁾. Сюда же относится, далѣе,

¹⁾ Catholic orthodoxy, Overbeck, p. 114.

²⁾ Иоаннъ Далей на возраженія іезуитовъ Адама и Коттибіа, что галлы осуждаютъ католиковъ за сохраненіе такихъ вещей, которыя въ Германіи и Англіи допускаются протестантами, отвѣчаетъ: „Nonne Genevates, quos vobis proximos fratres esse hand negaveritis, loca religiosorum conventuum suorum nominibus s. Petri et s. Gervasii appellant? Neque vero illi neque alii reliquias ullorum sanctorum in ecclesiis suis consecrant... quae proprie res illae sunt, quas in ecclesiis vestris ferre non possumus.“ Bingham, Quatuor dissertationes, p. 644.

³⁾ Кальвинъ, напр., въ письмѣ къ Ноксу и Уайттингу пишетъ: „In anglicana liturgia, qualem describitis, multas video fuisse tolerabiles ineptias... quum tandem primo statim die corrigi non peterant vitia, quum nulla subesset manifesta impietas, ferenda

особыя политическія условія, въ которыхъ находилась тогда англійская нація, и прежде всего ея независимость отъ континента, обусловливаемая отчасти островнымъ положеніемъ страны (и слѣд. также географическими причинами), не вынуждавшая необходимости опираться на внутреннюю логическую стройность системы въ борьбѣ съ католичествомъ, а наоборотъ предоставлявшая возможность установить начала реформы, не проводя ихъ до крайнихъ послѣдствій. Здѣсь лежитъ ключъ къ объясненію того общаго явленія въ исторіи реформаціи, что въ мѣстахъ наиболѣе сильнаго вліянія папства протестантство развивалось въ крайней формѣ реформатства (напр. въ Швейцаріи, Галліи, Нидерландахъ, но не въ Германіи, хотя послѣднія двѣ были одинаково удалены отъ центра католичества), а не въ личныхъ особенностяхъ реформаторовъ¹⁾ и не въ особенностяхъ народнаго характера упомянутыхъ странъ²⁾. Тогда какъ конти-

---

ad tempus fuisse. Vos ultra modum rigidos esse nolim. Calv., Epist. CC. ad anglos Francf. См. Bingham, Quatuor dissert., p. 512. Срв. epist. Bezae ad fratr. angl. a. 1568. Ibid. pp. 434, 435. Срв. также письма Кальвина, Безы, Мартира къ Гулеру и др. о церковныхъ одеждахъ. Ibid. pp. 532—534.

¹⁾ Въ Англіи эти реформаторы вели себя иначе, чѣмъ въ Швейцаріи или Галліи. Самый успѣхъ дѣятельности зависѣлъ отъ соотвѣтствія между проповѣдуемыми ими идеями и характеромъ слушателей, ихъ настроеніемъ и т. п. Въ Швейцаріи, напр., Кальвинъ самъ подвергался упрекамъ за допущенную имъ непослѣдовательность въ вопросѣ о церковныхъ одеждахъ. См. Bingham, p. 531.

²⁾ Bingham отсутствіе у галльскихъ реформаторовъ чина погребенія объясняетъ тѣмъ, что вслѣдствіе совместной жизни ихъ съ католиками они враждебно относились даже къ самымъ безобиднымъ особенностямъ практики послѣднихъ. Ibid. pp. 599—600. Суровая простота въ характерѣ населенія, пожалуй, еще можетъ служить къ объясненію распространенія реформатства въ Швейцаріи и Шотландіи, но никакъ не въ Галліи и Нидерландахъ.

нентальныя страны запада были почти беззащитны противъ притязаній папы и католическаго императора и только Германія могла оказать имъ нѣкоторое сопротивленіе въ лицѣ своихъ князей, вмѣстѣ съ народомъ, боровшихся противъ ипоземнаго владычества Папы и Испаніи, — въ Англіи католическій императоръ почти не имѣлъ никакой силы, а папа имѣлъ ее настолько, насколько самой папѣ угодно было уступить ему.

Указанными причинами, именно отсутствіемъ сильнаго вліянія католичества, безопасностью его для политической жизни страны, въ достаточной степени объясняется тотъ фактъ, почему въ Англіи не было и не могло быть сильной вражды къ нему, какое обстоятельство дало возможность свергнуть виѣшнее иго католичества, оставивъ многое изъ его внутренней сущности. Чѣмъ ближе къ Риму, тѣмъ сильнѣе было католичество въ странѣ, тѣмъ сильнѣе была и оппозиція ему, тѣмъ строже и неуклоннѣе проводились начала реформы — и наоборотъ. Англіійскіе реформаторы, дѣйствуя подъ защитою своего правительства, враждебнаго папѣ, не чувствовали необходимости искать внутренней опоры для своей дѣятельности въ самой системѣ. Но тѣ же самыя условія имѣли своимъ послѣдствіемъ и то обстоятельство, что въ Англіи не было и сильной привязанности къ католичеству. Англія съ своею политическою обособленностью, съ своею любовью къ независимости никогда не была рабою католицизма — и это можно сказать не о народѣ только, но и о духовенствѣ, которое въ лицѣ своихъ высшихъ представителей играло важную роль въ политической жизни страны, участвуя въ парламентскихъ собраніяхъ, и естественно не могло не дорожить этимъ своимъ политическимъ значеніемъ. Эта историческая особенность, во-первыхъ, дала возможность совершить виѣшнюю политико-экономическую реформу церковной жизни независимо отъ

внутренней религиозной реформы, что и было исполнено при Генрихѣ VIII самимъ правительствомъ, а во-вторыхъ— служила причиною того, что реформаціонное движеніе охватило собою не отдѣльные слои церковной жизни, какъ то было на континентѣ, гдѣ оно было протестомъ мірянъ противъ духовенства, низшихъ клириковъ противъ епископовъ, а цѣлую помѣстную церковь. Неодновременность внѣшняго и внутренняго моментовъ англійской реформации имѣла своимъ послѣдствіемъ отсутствіе той страстности въ процессѣ, того усиленнаго стремленія къ замѣнѣ старыхъ церковныхъ порядковъ новыми, которое отличаетъ дѣятельность континентальныхъ реформаторовъ. Отдѣленіе же цѣлой помѣстной церкви уже само по себѣ располагало къ сохраненію въ неприкосновенности прежняго церковнаго строя. Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ англійская реформація имѣла характеръ совершенно отличный отъ континентальной. Реформа въ Англіи шла сверху внизъ, отъ правительства, ибо народъ не былъ еще подготовленъ къ ней. Потребности къ реформѣ недостаточно еще созрѣли и выяснились въ массѣ. Нужно было вести дѣло реформы съ чрезвычайною осторожностью и постепенностью. Необходимо было предпринимать цѣлый рядъ подготовительныхъ мѣръ прежде осуществленія того или другого реформаторскаго предпріятія, прежде чѣмъ произвести какое-либо измѣненіе въ существующемъ строѣ церковной жизни. Руководителями и совѣтниками правительства въ дѣлѣ веденія реформы были сами епископы. При этомъ и въ самыхъ правительственныхъ сферахъ было два противоположныхъ теченія: одни считали достаточнымъ одно внѣшнее отдѣленіе отъ Рима, другіе стояли за необходимость внутренней религиозной реформы. Все это задерживало торжество протестантскихъ идей въ Англіи надъ католическими и благоприятствовало сохраненію старыхъ формъ церковной жизни.—

Иначе обстояло дѣло на континентѣ, гдѣ обыкновенно являлся проповѣдникъ—пламенный, ревностный, самоотверженный, который силою своего генія увлекалъ толпу, долгое время страдавшую подъ гнетомъ католической власти—свѣтской и духовной. При этомъ быстро происходило раздѣленіе населенія на протестантовъ и католиковъ; совмѣстная жизнь между ними оказывалась невозможною; начиналась борьба, ожесточенная, упорная борьба, которая должна была рѣшить религіозную судьбу страны—оставаться ли ей католическою или же примкнуть къ реформаціонному движенію. И тамъ правительство принимало живое участіе въ борьбѣ, но оно не руководило движеніемъ, а обыкновенно становилось въ ряды той или другой партіи смотря потому, куда клонились симпатіи большинства населенія.—Въ Англіи не могло быть такого быстрого раздѣленія населенія на католиковъ и протестантовъ въ силу вышеизложенныхъ причинъ. Были здѣсь панисты и протестанты, но обѣ эти партіи первоначально были немногочисленны. Остальная же масса народа долгое время была полукатолическою, полупротестантскою. Она „весьма нелогически, но очень естественно, говоритъ Маколей, смѣшивала затверженныя въ дѣтской уроки съ поученіями новыхъ евангелистовъ и, страстно прилѣпаясь къ стариннымъ обрядамъ, въ то же время гнушалась злоупотребленій, тѣсно связанныхъ съ этими обрядами. Люди съ такимъ складомъ ума готовы были почти съ благодарностью повиноваться указаніямъ искуснаго правителя, который избавлялъ бы ихъ отъ труда самостоятельнаго сужденія и, возвышая твердый и повелительный голосъ надъ сумятицею богословскихъ преній, училъ бы ихъ какъ молиться и чему вѣрить. Неудивительно поэтому, что Тюдоры были въ состояніи оказывать огромное вліяніе на церковныя дѣла; неудивительно также, что они оказывали это вліяніе большею частію въ видахъ чисто го-

сударственного интереса“¹⁾. Такимъ образомъ двѣ главнѣйшія особенности англійской реформациі—неопредѣленное, колеблющееся религіозное состояніе народа и положеніе во главѣ реформы правительства, руководившагося въ своей дѣятельности преимущественно государственными соображеніями—нужно помнить при сужденіи о происхожденіи англиканства. Ни одна изъ указанныхъ особенностей, взятая въ отдѣльности, не достаточна для объясненія этого страннаго, противулогическаго явленія въ религіозной жизни запада. Первое могло имѣть значеніе не болѣе какъ только почвы, на которой возникло англиканство, но никакъ не причины, вызвавшей его къ бытію. Какъ бы ни была велика указанная неопредѣленность, тѣмъ не менѣе она могла быть только временнымъ, переходнымъ моментомъ въ религіозной жизни англійскаго народа, ибо противорѣчіе, каково именно и есть англиканство по своей внутренней сущности, ни въ какой области, а тѣмъ болѣе въ религіозной, по глубинѣ и важности запросовъ духа, связанныхъ съ этою областью, не можетъ быть терпимо, какъ нѣчто постоянное, существенно необходимое для жизни духа, такъ какъ оно въ самомъ себѣ носитъ причину своего разложенія. Ранѣе или позже англійская нація вышла бы изъ состоянія религіознаго броженія и подъ дѣйствіемъ прогнуположныхъ началъ мало по-малу раздѣлилась бы, какъ и весь западъ, на два противоположныхъ лагеря—католиковъ и протестантовъ, если бы съ самаго начала реформациі не выступило на сцену правительство и не вздумало искусственно задержать, закрѣпить этотъ временный, переходный моментъ въ религіозной жизни націи въ чисто государственныхъ цѣляхъ. Усвоеніе правительствомъ первен-

¹⁾ Соч. Маколея, т. VI—Исторія Англіи до реставраціи. Изд. Тиблена, стр. 50. Подробнѣе о томъ же предметѣ т. II, „Дордъ Борлей и его время“, стр. 102—7.

Підготовлено Київської Духовної Академії і Семинарії,
<http://kdais.kiev.ua>

съ одной стороны вооружить противъ себя не только закоренѣлыхъ палистовъ, но и большинство массы, еще приверженной къ католическимъ обрядамъ, съ другой—въ самой протестантской партіи воспитывать силу съ демократическими тенденціями, враждебную идеѣ абсолютной монархіи, которую правительство того времени стремилось осуществлять? Или же, наконецъ, предоставить свободу вѣроисповѣданія обѣимъ партіямъ и такимъ образомъ постоянно имѣть предъ собою двухъ внутреннихъ враговъ, изъ коихъ католики постоянно тяготѣли бы къ Риму, а протестанты усиливали бы парламентъ въ ущербъ абсолютизму.

Оставался одинъ исходъ, б. м. неразумный съ вынѣшней точки зрѣнія, но по обстоятельствамъ, въ которыхъ находилась тогда Англія, единственно возможный и, т. сказ., вынудительный: не переходя на сторону той или другой партіи, держать ихъ въ постоянномъ равновѣсіи между собою съ тѣмъ, чтобы господствовать надъ обѣими, и въ то же время стараться слить ихъ въ одно цѣлое единство. Не сразу правительство избрало этотъ путь. Генрихъ въ общемъ мало былъ расположенъ къ измѣненіямъ внутренняго строя церковной жизни въ странѣ; Эдуардъ же рѣшительнымъ приверженцемъ реформы. Но и тотъ и другой вынуждены были дѣлать не мало уступокъ партіи противной. Переворотъ, совершившійся при Маріи и уничтожившій всѣ успѣхи реформации, достигнутые въ Англіи въ теченіе двухъ предыдущихъ царствованій, воочію показалъ всю опасность для церковной и гражданской самостоятельности Англіи неустойчивой политики этихъ государей. Елизавета, наученная предшествовавшимъ опытомъ и еще болѣе вынуждаемая трудностью своего положенія по вступленіи на престолъ, рѣшилась провозгласить закономъ то, что ея предшественники допускали лишь въ качествѣ временныхъ уступокъ, послабленій. Отсюда по справедливости называютъ англи-

канство дѣищемъ политики Елизаветы, твореніемъ закона (the creatura of law): это не преданіе и не доктрина, а исключительно государственное установленіе (the establishment). Елизавета первая возвѣстила компромиссъ основнымъ началомъ церковной жизни Англіи; ибо, хотя предшественники ея также прибѣгали къ нему, но то былъ компромиссъ не предумышленный, а скорѣе случайный и временный. Предшественники Елизаветы допускали его какъ временную мѣру, отъ которой легко отказывались, какъ скоро усматривали, что она не приводила къ желаннымъ цѣлямъ, или же миновала въ ней необходимость.— Но еще разъ повторяемъ, что указанная смѣсь противоположностей, характеризующая англиканство, не могла быть дѣломъ рукъ одного правительства. Если бы вся нація сразу раздѣлилась на палистовъ и протестантовъ, то такой компромиссъ ничего не удовлетворялъ бы.

Но въ дѣйствительности истинныхъ послѣдователей той и другой партіи вначалѣ было немного, большинство же массы долгое время находилось въ состояніи религіознаго броженія. Легкость переворотовъ, незначительность мятежей и возстаній въ первые дни самостоятельной религіозной жизни англійскаго народа лучше всего свидѣтельствуютъ объ этомъ. И на континентѣ шла борьба между протестантами и католиками: но тамъ они съ самаго начала реформациі образовали два обширнѣйшихъ лагеря, смертельно враждававшихъ между собою, пока не опредѣлились границы для существованія каждаго изъ нихъ, пока не были испробованы все средства и способы къ устраненію возникаго раздѣленія. Но какъ скоро каждая изъ враждующихъ сторонъ убѣдилась въ силѣ своего противника, какъ скоро все усилія къ примиренію оказались тщетными,—произошло естественное охлажденіе къ борьбѣ, и онѣ заняли каждая свою особую жизнь. Не то было въ Англіи. Та же борьба изъ-за религіозныхъ убѣжденій внесена была и сюда ре-

формаціею; но это уже была борьба не народа только съ народомъ, не сословія съ сословіемъ, не членовъ семьи между собою, не человѣка съ человѣкомъ (хотя все это было и тамъ), а гл. обр. борьба внутри самого человѣка,— борьба разума, освободившагося изъ подъ гнета внѣшняго авторитета, съ волею и сердцемъ, теорію съ практикою, прогресса мысли съ закономъ привычки. То, что произошло на континентѣ между отдѣльными партіями, большинство англичанъ, въ силу особенностей своего національнаго характера, переживало въ глубинѣ собственнаго своего духа. Но это былъ лишь временный, переходный моментъ. Дѣло правительства было закрѣпить этотъ моментъ, сообщить ему прочность и постоянство путемъ внѣшнихъ государственныхъ узаконеній. Но оно жестоко ошиблось въ своихъ расчетахъ: не объединеніе внесло оно въ религіозную жизнь страны, а вѣчную, непримиримую борьбу противоположностей,— борьбу, продолжающуюся вотъ уже болѣе трехъ столѣтій и однако доселѣ безъ всякой надежды на какой-либо опредѣленный, положительный исходъ. Противоположные элементы, насильственно соединенные, естественно тяготеютъ къ своимъ первоисточникамъ, каковое тяготѣніе сказывается въ раздѣленіи англиканской церкви на „высокую“ (стремленіе къ порывѣу католическихъ началъ надъ протестантскими) и „низкую“ церковь (обратное стремленіе). Продолжительность и безысходность борьбы между указанными противоположными теченіями церковной жизни Англіи съ одной стороны породило пассивное состояніе утомленія и, какъ результатъ этого утомленія, равнодушіе къ самымъ предметамъ борьбы, выраженіемъ котораго и служить такъ назыв. „широкая“ церковь съ ея легкомысленнымъ отношеніемъ къ вѣровсповѣднымъ разностямъ, какъ къ вещамъ безразличнымъ въ дѣлѣ религіи, съ другой— естественное чувство недовольства вслѣдствіе неудовлетворенности важнѣйшихъ запросовъ челоѣческаго духа, тре-

бующаго единства въ религиозномъ міровозрѣніи, и, какъ
прямое слѣдствіе этой неудовлетворенности, исканіе исти-
ны на сторонѣ, сказывающееся въ столь частыхъ отпаде-
ніяхъ отъ англиканской церкви перѣдко самыхъ выдаю-
щихся ея членовъ.

А. Рождественскій.
